

III. Страницы новейшей истории

Игорь Баринов

Три жизни доктора Ваврика: к истории одного мифа из прошлого Галиции, 1914-1956 гг.

События 1914-1945 гг., во всех смыслах судьбоносные для Европы, привели не только и не столько к перемене ее географического облика, сколько к полному реформатированию предыдущего образа жизни и мышления людей. Этот процесс распространялся по двум траекториям – территориальной и человеческой. В первом случае наиболее глубоко оказались «реформатированы» те европейские регионы, которые уже до этого были «проблемными». Прежде всего, это касалось переходных территорий, лежавших на стыке континентальных империй, или смежных районов, испытывавших культурно-историческое влияние различных центров силы. Классическим примером в данной связи может послужить Галиция – небольшая историко-культурная область, которая входила в состав Австро-Венгрии и была в целом малоизвестна даже в ее пределах. В указанный тридцатилетний отрезок времени Галиция, отнюдь не добровольно, успела побывать в составе четырех государств.

С гуманитарной точки зрения, главными действующими лицами и одновременно заложниками политических, социальных и культурных перемен стали уроженцы 1885-1900 гг. В литературе по отношению к ним сложилось определение «потерянное поколение». В данном случае эта «потерянность» приобретает особое звучание в рамках произошедших демографических и социальных изменений. Жизнь значительного числа европейцев, родившихся в указанный период, оказалась разорвана событиями 1914-1918 и 1939-1945 гг. на несколько непохожих друг на друга, но неизменно драматичных частей. Каждый раз им приходилось начинать жить заново – настолько новая реальность отличалась от предыдущей.

Ярким примером, характеризующем перипетии европейских процессов в локальном разрезе, может стать судьба Василия Ваврика (1889-1970), писателя и интеллектуала, ставшего одним из последних заметных деятелей русофильского движения в Галиции. Первые годы жизни Ваврика пришлось на расцвет правления императора Франца-Иосифа, а последние совпали с началом «развитого социализма» Леонида Брежнева. За исключением недолгого периода 1914-1926 гг. Ваврик находился в Галиции, где стал свидетелем и участником всех происхо-

дивших в крае перемен. Его жизнь, точно так же, как и жизни множества его земляков и современников, оказалась разделена на несколько отрезков, каждый из которых, как казалось, не давал надежды на появление следующего.

Жизнь первая (1889-1921)

Василий Ваврик родился на восточной окраине Австро-Венгрии. В наши дни его родные места – это стык Львовской, Тернопольской и Ровенской областей Украины. Точное место его рождения так и остается неясным – на этот счет существуют аж четыре версии. В официальных документах, в том числе и в некрологе, указывается село Яснище¹. Как следует из сведений гимназии, где учился Ваврик, он происходил из соседнего с Яснищем села Кутище². Путаница может объясниться тем, что приход св. Николая, в котором крестили новорожденного Василия, охватывал оба села³. Тем не менее, при регистрации в эмигрантских структурах в Чехословакии, куда Ваврик попал после эвакуации из России, он назвал в качестве места рождения Манаев, лежащий к юго-западу от указанных пунктов⁴. Записываясь осенью 1921 года на философский факультет пражского Карлова Университета, Ваврик вообще заявил, что происходит из Бродов⁵. Такие же разночтения есть и в дате его рождения. Согласно церковной записи, Ваврик появился на свет 21 марта (по старому стилю) 1889 года⁶. Тем не менее, в документах пражского периода возникают 31 марта того же года и даже 1891 год⁷. Это первые подобные «белые пятна» в биографии Ваврика, которых в его долгой жизни еще будет достаточно.

Галиция, самая бедная часть империи Габсбургов, отличалась чрезвычайной разнородностью – экономическая ассимиляция в этой провинции способствовала культурной диссимилиации. По выражению американского историка Ларри Вульфа, долгие годы занимавшегося изучением Галиции, каждый ее житель стремился утвердить собственную идентичность⁸. С одной стороны, противоречия затрагивали социокультурную сферу. Так, заметный антагонизм существовал между городом и селом, и те крестьяне, которые покинули свою среду, стремились всем

¹ См., напр., Архів Львівського національного університету (Архів ЛНУ). Особистий листок по обліку кадрів В.Р. Ваврика. Л. 1; Мирович Р.Д., Аристова Т.Ф. Доктор В.Р. Ваврик (некролог) // Журнал Московской Патриархии. 1971. № 1. С. 18.

² XXXIII. Sprawozdanie C.K. Gimnazjum im. Rudolfa w Brodach. Brody, 1911. P. 28.

³ Отдел хранения документов личных собраний Москвы (ОХДЛСМ). Ф. 26, оп. 1, д. 148, л. 1.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5764, оп. 3, д. 798, л. 1.

⁵ Archiv Univerzity Karlovy v Praze (AUK). Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415.

⁶ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 148, л. 1.

⁷ AUK. Sbíрка dokumentů Filozofické fakulty. Matrika doktorů II, № 1325; Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415.

⁸ Wolff L. The Idea of Galicia: History and Fantasy in Habsburg Political Culture. Stanford, 2010. P. 325.

видом показать свое отличие от нее. Наряду с этим, традиционно сложные взаимоотношения внутри «галицийского ансамбля» – поляков, евреев и русинов – дополнялись трениями внутри каждого из этих народов.

Фото В.Р. Ваврика с регистрационной карточки русского Земгора в Чехословакии. Прага, 1921 г. ГАРФ. Р5764. 3.798, л. 1.

Для австрийских властей восточнославянское население Галиции фигурировало в рамках официального понятия *Ruthenen*, которое, однако, не отражало всей сложности реальной картины. Вариативность культурных практик и языковые различия на сравнительно небольшой территории Галиции приводили к появлению локальных сообществ, которые, в свою очередь, могли уже внутри себя делиться на микрогруппы. Это порождало определенные противоречия в ходе контактов между различными общностями, к примеру, выходцами из изолированных горных районов и жителями равнины. Эти многочисленные сообщества роднила приверженность традиционному жизненному укладу. В нем само существование человека было регламентировано целым рядом архаичных ритуалов, а

явления родной природы выступали неотъемлемыми участниками бытия. С этими особенностями связаны последующие неоязыческие искания Ваврика, которые чувствуются в ряде его стихотворений⁹.

Родители Ваврика, Роман Алексеевич (1847-1909) и Мария Петровна (?-1918), урожденная Федорук, были небогатыми крестьянами¹⁰. Всего в семье, помимо Василия, было еще 11 детей, половина из которых выжила¹¹. В своих неоконченных мемуарах Ваврик оставил яркую характеристику своих родителей. По словам автора, его отец, глубоко верующий христианин, долгое время оставался единственным грамотным на все село, был писарем и избирался присяжным заседателем в окружном суде. Мать, в свою очередь, была яркой носительницей архаического сознания со свойственным ему мировосприятием¹². Причудливое переплетение архаичной земледельческой и христианской традиций сохранялось в сознании Ваврика на протяжении всей жизни: так, в одном из позднейших писем он отождествляет Христа и Дажьдбога¹³. Возможно, именно из-за этого для будущего писателя, как и для его земляков, столкновение с явлениями другой, техногенной цивилизации, станет настолько травматичным.

Хотя Ваврики были одной из многих похожих друг на друга небогатых крестьянских семей Галиции, родители осознавали, что без образования дети не смогут выбиться из своей среды. Видимо, оплатить образование всем им было не по силам. В результате старшие сыновья остались на земле, еще трем братьям и сестре пришлось выехать в Америку на заработки. Среднего сына, Василия, тянувшегося к получению знаний, решено было отправить в Броды, в Королевско-Императорскую гимназию имени кронпринца Рудольфа, названную так в честь наследника габсбургского престола. В некоторых публикациях утверждается, что русофильски настроенные родители послали Василия в немецкую гимназию, чтобы не отдавать его в украинскую. Как представляется, в данном случае выбор на Броды пал скорее из-за того, что город находился недалеко от родных мест. По крайней мере, в своих воспоминаниях Ваврик ничего не говорит об идеологической обусловленности этого выбора.

Обучение в гимназии было платным: за учебный год следовало вносить 60 крон, значительную по тем временам сумму. Очевидно, именно из-за нехватки денег Василий пошел в первый класс Бродской гимназии только в 14 лет¹⁴. У большинства учеников гимназии родным языком был польский, русиноязычные, хотя и находились на втором месте, но уступали в четыре раза¹⁵. Языком обучения в гимназии изначально был немецкий, однако к 1914 году он тоже уступил

⁹ Ваврик В.Р. Красная горка. Львов, 1923. С. 6, 17.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 17.

¹¹ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 6.

¹² Там же. Л. 7-9.

¹³ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 66, л. 13 (письмо Н. Водовозову от 1 января 1964 г.).

¹⁴ XXVI. Jahresbericht des K.K. Rudolf-Gymnasiums in Brody. Brody, 1904. P. 31.

¹⁵ XXXIII. Sprawozdanie C.K. Gimnazjum im. Rudolfa w Brodach. P. 32.

место польскому. Оба эти языка Ваврик хорошо освоил¹⁶, причем даже в его позднейших рукописях то и дело вместо русских возникают немецкие и польские слова и обороты речи.

В гимназии юный Василий сразу же оказался в уязвимом положении не только из-за возраста, но и по причине своего происхождения. В Галиции как того, так и более раннего времени, главным двигателем общественных и экономических процессов оказывалось население города, то есть поляки, евреи и немцы. Русины, занимавшиеся в основном крестьянским трудом, в силу ряда причин находились на более низком социальном уровне. Это заметно ощущалось в гимназии. Так, из одноклассников Ваврика перманентно только 3-4 человека были русинского происхождения. Остальные, за исключением небольших групп немцев и евреев, были поляками.

К представителям названных сообществ у Василия развилась глубокая неприязнь, со временем переросшая в шовинизм, что отразилось в его художественных произведениях. Как отмечал советский литературный критик Георгий Мунблит, рецензировавший рукописи Ваврика, в стихах и прозе автора настойчиво звучали мотивы противостояния славян «Германии и Австрии как таковым» и их «исконной вражды» к немцам¹⁷. Броды времен своей юности Ваврик характеризовал одной фразой – «польская спесь и еврейская грязь»¹⁸. В раннем стихотворении «Дуброва» у Ваврика присутствует характерное рядоположение: по его мысли, татарское иго в Галиции сменилось польским, а затем и еврейским засильем¹⁹. Стереотипный образ нечистоплотного во всех отношениях еврея присутствует и в рассказе «Калинин сруб»²⁰. Говоря о причинах своего антисемитизма, Ваврик указывал на религиозно-бытовые, к которым затем добавились политические. Отношение автора к евреям заметно смягчилось только после его столкновения с ужасами Холокоста во Львове в годы нацистской оккупации²¹.

Противопоставление себя, выходца из крестьянской среды, вырванного из родной среды, горожанам, очевидно, усилило тяготение Ваврика к русофилам. Много позже соратник Ваврика, Роман Минович, напишет, что тяга его друга к русскому «была взлелеяна им еще на школьной скамье»²². Этому обстоятельству способствовало как наличие в Галиции значимых «чужих» (в первую очередь, поляков), так и, вероятно, влияние Ваврика-старшего, который, как указывал его

¹⁶ Архів ЛНУ. Особистий листок по обліку кадрів В.Р. Ваврика. Л. 2.

¹⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1234, оп. 19, д. 273, л. 9.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 16.

¹⁹ Ваврик В.Р. Гаивки. Львов-Прага, 1922. С. 10.

²⁰ Он же. Калинин сруб. Львов, 1926. С. 5-7.

²¹ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 177, л. 31-36.

²² Минович Р.Д. Василий Романович Ваврик (к 75-летию со дня рождения) // Карпаторусский календарь на 1964 год. Yonkers, 1964. С. 98.

сын Василий, курировал в их родном селе работу русофильских культурных и финансовых учреждений²³.

Вопрос здесь, однако, заключается скорее не в том, что лежало в основе выбора Ваврика-младшего, а в том, что он изначально понимал под «русским». Гимназический курс истории не свидетельствует о наличии в нем отдельных «русских» тем. Курс русинского языка был более ориентирован на малороссийскую литературу (Котляревский, Шевченко), хотя в нем встречаются и имена местных авторов-русофилов, таких как Маркиян Шашкевич. Единственным источником представлений юного гимназиста о «Руси» как средоточии аутентичной славянской культуры могло стать «Слово о полку Игореве», где речь заходила о древнем Галиче. Любопытно, что в австрийской государственной школе среди тем школьных сочинений на русинском языке тех лет встречается «Характеристика древней Руси на основе "Слова"». Скорее всего, именно этот момент стал своеобразным триггером в сознании Ваврика.

В это же время (конец XIX – начало XX вв.) в России наметился повышенный интерес к русским древностям. Интеллигенция вдохновлялась образами из истории славянства в художественном творчестве и духовных исканиях. Национально ориентированные круги русского общества «переоткрывали» для себя исторические земли Руси, в том числе Галицию. Ее славянское население к тому времени было уже сильно обособлено от собственно русских как с этнической, так и с культурной точки зрения. Тем не менее, в рамках указанных представлений его рассматривали как одну из «потерянных» частей русского народа, которую в принципе следовало вернуть в «естественные границы»²⁴.

Такая позиция получила отклик по другую сторону границы. Представители молодого поколения галицких русофилов стали соотносить себя уже не только с метафизической «Русью», но и с Россией как государством. Подобные представления проистекали из идеи тысячелетней непрерывной государственной и культурной традиции со времен киевских князей и до начала XX века. Таким образом начинал работать описанный британским исследователем Бенедиктом Андерсеном принцип «воображаемых сообществ», когда две изолированных друг от друга общности начинали воспринимать себя как единое целое.

Дополнительный вес этим идеологическим построениям придавала теория о Карпатах как общеславянской прародине. Это вызвало в России особый, овеянный национальной романтикой интерес к местному духовному и интеллектуальному наследию. В 1907 году московский активист славянофильских организаций Федор Аристов начал работу по созданию Карпато-русского музея. Галицко-русская интеллигенция рассматривала указанное наследие как органическую часть великорусской культуры. Именно тогда в Галиции возник и начал развиваться свойственный для раннего, романтического национализма нарратив о рус-

²³ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 8.

²⁴ Манасеин И. К вопросу об установлении идеальной границы на западе России. СПб., 1913. С. 3.

ском единстве «от Карпат до Камчатки». Ему сопутствовало неприятие позиции украинофилов, видевших в австрийских русинах и уроженцах Малороссии представителей отдельного от русских народа.

Все эти тенденции впитывал в себя и Ваврик. Трудно говорить о том, какая идентичность у него была первенствующей – локальная или воображаемая общерусская. Скорее всего, речь идет о переплетении и взаимовлиянии этих идентичностей. Разбирая творческое и интеллектуальное наследие Ваврика, можно сделать вывод о том, что он, не отказывая своим землякам в их историко-культурной индивидуальности, все же не отделяет их от великороссов. Тем не менее, Ваврик так и не смог выйти за рамки собственной провинциальности. Тематика и наполненность значительной части его сочинений не оставляют сомнения, что автор вдохновлялся творчеством даже не русских славянофилов, а галицких «будителей» первой половины – середины XIX века. Находясь в плену этих представлений, Ваврик всерьез считал себя и других местечковых литераторов составной частью русской литературы наравне с Пушкиным и Гоголем. Даже в советское время Ваврик искренне верил в необходимость организации в Москве отдельной библиотеки «карпато-русских писателей»²⁵.

Что касается значения «великорусской» составляющей во взглядах Ваврика, то оно колебалось в зависимости от периода его жизни. Так, во время службы в Белой армии оно возросло, после возвращения в Галицию снизилось, чтобы снова возрасти уже в советский период. При этом, насколько можно судить, панславянская идея не занимала Ваврика. В годы Гражданской войны он формально служил в рядах Чехословацкого батальона Добровольческой армии, однако в воспоминаниях о том времени настойчиво подчеркивает свое «русское» происхождение. По иронии судьбы, русские сослуживцы считали Ваврика чехом и находили его мемуары интересным отражением «переживаний иностранца», сражавшегося «за жизнь и честь русского народа»²⁶. Этот факт особенно задевал Ваврика²⁷, и, находясь в Чехословакии, он, очевидно, не упускал случая подчеркнуть свою «русскость». Так, в марте 1923 года он писал своему земляку, этнографу Юлиану Яворскому, что «даже между чехами нельзя не быть националистом»²⁸, а интернационализм и вовсе считал «гибелью»²⁹.

Любопытным в данном контексте является и тот факт, что политическое русофильство той поры было тесно связано с православием: в свое время в него из греко-католичества перешли галицкие «будители» Яков Головацкий и Иван Наумович. Известно, что Ваврик был униатом по крайней мере до окончания школы³⁰. Вопрос религиозной принадлежности одного из будущих неформаль-

²⁵ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 66, л. 5 (письмо Н. Водовозову от 22 сентября 1962 г.).

²⁶ В память Первого Кубанского похода. Белград, 1926. С. 107.

²⁷ Ваврик В.Р. Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. С. 9.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р5966, оп. 1, д. 46, л. 6 (письмо Ю. Яворскому от 1 марта 1923 г.).

²⁹ Там же. Л. 2 об (письмо Ю. Яворскому от 5 января 1923 г.).

³⁰ XXXIII. Sprawozdanie C.K. Gimnazjum im. Rudolfa w Brodach. P. 28.

ных лидеров русофильского движения вообще предстает весьма неоднозначным. В пражский период Ваврик, хотя и записывался в университетских анкетах православным³¹, предположительно посещал протестантские учреждения – Юношескую Христианскую организацию (знаменитую YMCA) и общину Методистской церкви на улице Ечной, деятельность которых резко осуждалась зарубежными православными иерархами. На оборотной стороне бланков данных организаций Ваврик в начале 1920-х гг. писал письма. При этом в зрелом возрасте он являлся активным прихожанином православного храма св. Георгия во Львове (его еще называют «малым Юром»), а формальное упразднение унии в СССР в 1946 году воспринял с «большим воодушевлением»³². Шесть лет спустя, по просьбе директора Музея истории религии и атеизма Владимира Бонч-Бруевича, Ваврик написал «обличительную статью», направленную против униатской церкви³³, к которой сам когда-то принадлежал.

Таким образом, здесь мы можем видеть тот тип личности, который, с одной стороны, стремился, хотя бы по формальным признакам, стать большим русским, чем сами русские, и при этом сохранить свою локальную идентичность. Теоретически здесь нет противоречия, поскольку русины в описанном выше дискурсе считались частью русского народа. Вместе с тем, в реальной русской среде Ваврика не считали «своим». Очевидно, его декларативная «русскость» плохо уживалась с узколокальной галицкой идентичностью и повышенным вниманием к тем реалиям, которые были попросту непонятны собственно русскому и тем более – советскому человеку.

В рецензиях на произведения Ваврика, которые он собирался публиковать в центральном издательстве «Советский писатель», справедливо указывалось на их слабость и крайнюю специфичность. Так, профессор московского Литинститута Михаил Лобанов отмечал, что тематика и фактичность сочинений Ваврика, связанная исключительно с карпатским регионом, была близка и понятна только землякам автора и не была рассчитана на массового читателя³⁴. Заведующий отделом прозы издательства, литературный критик Виктор Петелин писал Ваврику, что его вещи «очень далеки от современной жизни»³⁵. Последний, думается, искренне полагал обратное, не понимая, как одной части русского народа не может быть интересна жизнь другой. Несмотря на обоснованные отказы, он продолжал писать, раз за разом создавая все новые однотипные произведения спорной художественной ценности, списывая трудности с их публикацией на интриги против себя и нерусское происхождение критиков³⁶.

³¹ АУК. Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415.

³² Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

³³ Вялова С.О. Неизданные письма В. Д. Бонч-Бруевича // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 119.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1234, оп. 19, д. 273, л. 3.

³⁵ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 67, л. 5 (письмо Н. Водовозову от 28 марта 1968 г.).

³⁶ Там же; Пашаева Н.М. Русское движение в Галичине XIX-XX вв. // Славянский альманах на 1998 год. М., 1999. С. 129-130.

Не меньшей проблемой был и русский язык Ваврика, систематически изучавшего его только в пражском Карловом Университете. Разбирая стиль Ваврика, Георгий Мунблит отмечал, что он оставляет желать «весьма и весьма многого»³⁷. По словам рецензента, словарь, синтаксис и обороты речи были характерны для родных мест автора, поэтому его лексика выглядела «весьма причудливо»³⁸. Другими словами, Мунблит аккуратно намекал, что тот не владеет письменным литературным языком. Порой критики выражались гораздо прямее: по мнению поэта Эльмиры Котляр, у Ваврика в принципе не было «данных для литературного труда»³⁹. Нужно заметить, что Ваврик и сам осознавал несовершенство своих творений. В письмах он сетовал на то, что «пишет урывками», из-за чего «хромает стиль» и «случаются ошибки»⁴⁰. Это, однако, не помешало апологетам Ваврика в дальнейшем именовать его «талантливым народным поэтом»⁴¹.

Вернемся, однако, на полвека назад. Окончив в апреле 1911 года гимназический курс, Ваврик, как следует из отчета гимназии, намеревался в дальнейшем заняться изучением теологии⁴². Вероятно, этот первоначальный выбор был сделан под влиянием родных, видевших в его священничестве оптимальный социальный лифт. Однако затем Ваврик изменил свое первоначальное решение и, как следует из официальной биографии, поступил на юридический факультет Львовского университета⁴³.

В ту пору университет был местом политических баталий польских и украинских студентов, где каждая из сторон отстаивала свое видение дальнейшего будущего края. Ваврик не принадлежал ни к одной из сторон. Его мемуары, касающиеся этого периода, являют нам беззаботного студента-денди, жившего за счет родителей и предпочитавшего проводить время в женском обществе⁴⁴. Учеба на юриста, очевидно, не слишком привлекала Ваврика. По его словам, после того, как профессора-поляки «завалили» его на очередном экзамене, он без сожаления бросил университет и устроился переводчиком в русское консульство во Львове⁴⁵, хотя впоследствии в официальном некрологе было сказано, что он «не успел его закончить»⁴⁶.

Тем временем, локальные трения в Галиции между русофилами и украинофилами постепенно способствовали нарастанию напряженности в отношениях Австро-Венгрии и России. Каждая из стран подозревала другую в использовании соответствующего национального движения для реализации собственных поли-

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1234, оп. 19, д. 273, л. 11.

³⁸ Там же. Л. 10.

³⁹ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 67, л. 5 (письмо Н. Водовозову от 28 марта 1968 г.).

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письмо Ф. Аристову от 3 февраля 1930 г.

⁴¹ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

⁴² XXXIII. Sprawozdanie C.K. Gimnazjum im. Rudolfa w Brodach. P. 28.

⁴³ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. Львов, 1932. С. 87.

⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 25 и далее.

⁴⁵ Там же. Л. 45.

⁴⁶ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 18.

тических интересов. В России в идеологическом смысле это противостояние вписывалось в распространенную перед Первой мировой войной концепцию извечной борьбы «славянства» и «германства». В ее рамках галицкие русофилы действительно рассматривали себя как некую «предохранительную оболочку» для остальной «Руси»⁴⁷, а украинофилов – как орудие антироссийской стратегии австрийцев и немцев. В Австрии, напротив, считали поддержку галицких русофилов со стороны России первым шагом на пути к реализации панславистских амбиций – в первую очередь, за счет габсбургской империи.

Ту войну, которая началась в августе 1914 года, сначала рассматривали как результат очередного конфликта интересов, который относительно скоро должен был закончиться. В реальности эта война потрясла до основания прежний жизненный уклад и изменила судьбу нескольких поколений людей всего мира, за что и получила соответствующее наименование. Отличительной особенностью Первой мировой войны стала ее тотальность, когда новые реалии так или иначе затрагивали все общество. Стремление воюющих стран укрепить свое внутреннее положение обусловило резкое усиление военной юстиции, которая видела своей главной задачей нейтрализацию потенциально враждебных лиц и групп.

В случае с Австро-Венгрией такой группой стали русофилы (безотносительно их происхождения), которые тайно или открыто симпатизировали России. В первую очередь это касалось русофильского движения в Галиции, которая приобрела для Австрии стратегическое значение из-за своего географического положения. Начавшиеся аресты галицких русофилов, вне зависимости от их возраста и рода занятий, на фоне поражений австрийских войск быстро переросли в военно-полицейский террор в Галиции. По логике военного времени те из галичан, кто двигались на восток или не эвакуировались вглубь Австрии, рассматривались как вероятные «агенты» русской стороны. Простое население, жившее, как уже говорилось, в своем изолированном мире, оказывалось дезориентировано в результате столкновения с новой реальностью и становилось из-за этого жертвой армейского произвола. Много лет спустя в публицистике Ваврика репрессии против русофилов будут описываться как реализация некой изначальной «антирусской» идеи. Русофилы, да и вообще русины, получают ореол невинных мучеников, не побоявшихся ступить на путь страданий⁴⁸. Так возникнет нарратив, в котором события Первой мировой войны будут названы «галицкой Голгофой».

В условиях начавшейся войны Ваврик, понимая, что тоже находится в группе риска, решил бежать из Львова на малую родину, в Манаев, чтобы найти там «покой и убежище»⁴⁹. Согласно официальной биографии, когда «в один критический день бежала вся деревня», Ваврик остался один и «трое мучительных су-

⁴⁷ Талергофский альманах. Вып. 2. Львов, 1925. С. v-vi.

⁴⁸ Ваврик В.Р. Талергоф. В 20-і роковини народної трагедії галицко-русского народа. Львів, 1934. С. 7-8.

⁴⁹ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 88.

ток» провел в нейтральной полосе между двумя армиями⁵⁰. В мемуарах, однако, автор излагает иную версию событий. Согласно ей, он практически сразу же оказался на занятой русскими войсками территории и даже побывал в их лагере в селе Крутнево. Вероятно, из-за этого у Ваврика возникло ошибочное впечатление, что вся провинция уже находится под русским контролем, и он спокойно вернулся домой⁵¹. Впоследствии он, очевидно, не желая позориться, утверждал, что только на четвертый день добрался до соседних Залозиц, откуда бежал обратно, «готовый пасть жертвой на каждом шагу»⁵².

В это время австрийские войска успели перейти в наступление и вернули себе утраченные позиции, а Ваврика, вернувшегося в Манаев, арестовала жандармерия⁵³. По данным Романа Мировича, это произошло 17 августа 1914 года⁵⁴. Местные полицейские чины, желая выслужиться, конвоировали молодого человека в Зборов, к уездному старосте. В качестве доказательств его подрывной деятельности, по словам Ваврика, были предъявлены переписка личного характера и обнаруженный у него дома роман *Война и мир*, из-за чего староста поднял жандармов на смех⁵⁵. Тогда Ваврик не осознавал, что именно это обстоятельство спасло его от военно-полевого суда. Староста, понимавший, что перед ним обычный симпатизант, а не русофильский активист и тем более не шпион, приказал отправить его в местную тюрьму, откуда через некоторое время Ваврик попал в знаменитую львовскую тюрьму св. Бригитты.

Как вспоминал арестованный, его краткое (около одной недели) пребывание в «Бригидках» сперва ничем не выделялось: заключенные выполняли обычные тюремные обязанности, при этом их хорошо кормили⁵⁶. При этом много позже Ваврик писал, что «мучения узников лились тяжелым, непосильным стоном»⁵⁷. Нервное потрясение, которое мог пережить автор, было связано с одним эпизодом – когда перед взятием Львова русскими войсками австрийский трибунал начал приводить в исполнение смертные приговоры, и камера, где находился Ваврик, превратилась в камеру потенциальных смертников.

Именно это событие, как представляется, стало в жизни молодого человека рубежными. Нет сомнения, что Ваврик внутренне как раз хотел бы оказаться «русским шпионом» или антиправительственным активистом. Очевидно, его мучило чувство вины перед сокамерниками, что он остался жив. Со временем тема тюрьмы и лагеря станет для Ваврика навязчивой идеей, переходившей в само-

⁵⁰ Там же.

⁵¹ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 54-55.

⁵² Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 88.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Мирович Р.Д. Алфавитный указатель жертв австро-мадьярского террора во время первой мировой войны 1914-1918 гг. на областях Галицкой и Буковинской Руси (рукопись). Кн. 1. Львов, 1971. № 822.

⁵⁵ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 58.

⁵⁶ Там же. Л. 61.

⁵⁷ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 88-89.

виктимизацию. К примеру, в рассказах «Калинин сруб» (1926) и «Урша» (1928), повествование которых несет явный автобиографический отпечаток, главные герои погибают насильственной смертью за свои русофильские идеалы. В ходе их чтения складывается впечатление, что Ваврик героизирует гибель от рук «врагов Руси» и как бы корит себя за то, что не погиб вместе со своими земляками в тюрьме или лагере. Ряд образов, связанных со смертью, неоднократно возникали и в его стихах⁵⁸, а описание «галицкого мученичества» нередко принимало у него совершенно непоэтичные и даже натуралистичные формы⁵⁹. Ваврик, говоря о том, что его земляков могли казнить просто за «русское слово»⁶⁰, как будто переживает из-за того, что обнаруженное в его манаевской хате издание Толстого вызвало у австрийского чиновника только смех.

Незадолго до того, как русские войска вошли во Львов (это случилось 28 августа 1914 года), заключенные «Бригидок» были отправлены в богемскую крепость Терезин, использовавшуюся как тюрьму. На следующий год они были переведены вглубь Австрии – в лагерь для интернированных Талергоф. Именно с этими локациями связана центральная тема общественной и публицистической деятельности Ваврика. В дискурсе, который он активно продвигал, репрессии, нацеленные на русофилов, рассматривались им как террор против «русского народа». Меры военного времени преломились в апокалиптическую картину уничтожения не только сторонников «русской идеи», но и всего русского. Лагерные события в его квазирелигиозной парадигме предстают земным адом, а исполнители репрессий и их пособники – inferнальными существами⁶¹.

В этом смысле особенно примечательно, что данный нарратив фактически подменил собой реальную биографию Ваврика. Даже в мемуарах, казалось бы, подходящем месте для рефлексии прошедших событий, автор в разделе о Терезине и Талергофе отсылает читателя к своим публикациям на эту тему⁶². Текст воспоминаний являет нам всю противоречивость изложения Ваврика. С одной стороны, он не упоминает, что провел отрезок времени, наиболее неблагоприятный с организационной точки зрения для Талергофа, в более приемлемых условиях в Терезине. При этом именно в мемуарах Ваврик – единственный раз – называет дату своего перевода в Талергоф – конец апреля 1915 года⁶³. Также автор проливает свет на свое пребывание в лагере. Описывая в печати, как австрийские «палачи» расправлялись в лагере с его земляками⁶⁴, в воспоминаниях Ваврик простодушно признается, что в это время умирал «от скуки и от сплину»,

⁵⁸ Ваврик В.Р. Красная горка. С. 22-23.

⁵⁹ Он же. Талергоф. В 20-і роковини народної трагедії галицько-руського народу. С. 15.

⁶⁰ Он же. Терезин и Талергоф. Филадельфия, 1966. С. 56.

⁶¹ Там же. С. 9.

⁶² ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 74.

⁶³ Там же. Л. 73.

⁶⁴ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 36 и далее.

что шахматы и книги ему «надоели» и, чтобы хоть как-то себя занять, он начал выпускать рукописный журнал⁶⁵.

Вскоре после прибытия Ваврика в Талергоф там начался призыв лиц, годных к военной службе. В одном из позднейших изданий Ваврик описывал инцидент со студентами-призывниками, назвавшими себя «русскими» и за это приговоренными к пытке «подвешиванием»⁶⁶. В мемуарах он честно признается, что, хотя подходил под эту категорию, пыток избежал, якобы из-за того, что в его бараке начался возвратный тиф⁶⁷. Пробыв в Талергофе всего пять месяцев (некоторые заключенные находились там годами), уже в октябре 1915 года Ваврик оказался в армии в качестве солдата штрафной роты 80-го пехотного полка⁶⁸. Это войсковое соединение австрийской армии традиционно набиралось из уроженцев Галиции. Большую его часть (до 70%) составляли русины, в остальном это были поляки, евреи и другие выходцы из местных. В связи с упомянутыми событиями в Галиции 80-й полк был выведен с территории провинции и вместе с другим русинским полком передан в 106-ую дивизию ландштурма⁶⁹ (ополчения военного времени), которая с сентября 1915 по июль 1916 гг. участвовала в боях на Итальянском фронте.

Опубликованная в 1932 году биографическая справка о Ваврике гласит, что весной 1916 года он в составе 20-ой маршевой роты был переброшен в Альпы, в район горы Слеме (сейчас это территория Словении, недалеко от поселка Воларье). Далее источники расходятся. По официальной версии, летом того же года Ваврик попал в плен и целый год провел в Италии, пока весной 1917 года не был освобожден в результате вмешательства русского посла⁷⁰. В записях Романа Миновича, однако, содержится другая информация. Согласно ей, Ваврик попал в Италию, «перешедши фронт», то есть, другими словами, дезертировал⁷¹. Это впоследствии подтвердил и сам герой повествования⁷², более того – в картотеке попавших в итальянский плен австрийских военнослужащих, хранящейся в Военном архиве Австрии, имя Ваврика отсутствует⁷³. Происхождение версии о плене Ваврик так и не пояснил, а в советских анкетах путался в данных. Так, до войны он указывал, что оказался в Италии в 1916 году, а после войны – что в

⁶⁵ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 76-77.

⁶⁶ Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 46.

⁶⁷ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 181, л. 76-79.

⁶⁸ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 18.

⁶⁹ Боевое расписание австро-венгерской армии к 25 мая 1915 г. Б.м., б.д. С. 10, 24.

⁷⁰ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

⁷¹ Минович. Алфавитный указатель... Кн. 1. № 822.

⁷² ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 148, л. 9 об.

⁷³ Письмо директора Военного архива автору статьи, ÖSTA 2052100/0001-КА/2016 от 3 февраля 2016 г.

1917/18 гг.⁷⁴ Любопытно также, что в 1956 году он указывал владение итальянским языком, а в 1940 году – нет⁷⁵.

По официальной биографии, после освобождения Ваврик попал во Францию, где вступил в Русский экспедиционный корпус в составе французской армии⁷⁶. Однако в позднейшей анкете он указывал, что на самом деле вступил в Чешский легион⁷⁷. Очевидно, в данном случае подразумевается Чехословацкий добровольческий легион, организованный в январе 1917 года в лагере военнопленных близ Неаполя. Скорее всего, Ваврик завербовался туда, чтобы выбраться из плена. В дальнейшем, по его словам, в его судьбу вмешались русский посол в Италии Михаил Гирс и военный агент во Франции Николай Игнатъев. С их помощью при не вполне ясных обстоятельствах Ваврик сумел кружным путем (через Париж, Лондон и северные моря) попасть в Петроград, где в то время «клонилась к падению власть Керенского»⁷⁸. Впоследствии Ваврик символически соотнесет свое возвращение с первым днем Октябрьской революции⁷⁹.

Даже в советские времена Ваврик не стеснялся упоминать, что лозунги «великого Октября» изначально были ему чужды⁸⁰. При этом неизвестно, сразу ли у него возникло желание присоединиться к антибольшевистским силам. В любом случае, переезд Ваврика в Ростов-на-Дону, видимо, был связан с желанием прибиться к землякам – в то время в городе была сосредоточена диаспора галицких беженцев, ушедших летом 1915 года вместе с русскими войсками. Прибыв в Ростов, Ваврик устроился секретарем в Русский народный совет⁸¹ (центральную русофильскую организацию, возникшую в ходе Первой мировой войны) и стал посещать занятия в местном Донском университете⁸². Получается, что Ваврик, формально по-прежнему солдат Чехословацкого легиона, дезертировал во второй раз.

В это время (конец 1917 – начало 1918 гг.) Дон, традиционный символ свободы, становится местом, куда стекается не принявшее революцию офицерство. Две офицерские организации, названные по имени их руководителей, генералов Алексеева и Корнилова, создают основу для будущей Добровольческой армии. К середине января 1918 года она насчитывала уже около 5 000 штыков, было организовано управление и определено боевое расписание частей. На этом фоне 21 января того же года Русским народным советом был создан Комитет по органи-

⁷⁴ Архів ЛНУ. Особистий листок по обліку кадрів В.Р. Ваврика. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 15.

⁷⁵ Архів ЛНУ. Особистий листок по обліку кадрів В.Р. Ваврика. Л. 2; ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 13 об.

⁷⁶ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 15.

⁷⁸ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

⁷⁹ Минович. Василий Романович Ваврик (к 75-летию со дня рождения). С. 98.

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 1234, оп. 19, д. 273, л. 8.

⁸¹ Белый архив. Т. 1. Париж, 1926. С. 174.

⁸² AUK. Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415.

зации добровольческого Карпаторусского отряда, секретарем которого стал Ваврик⁸³.

Здесь снова проявилась противоречивость позиции Ваврика. С одной стороны, он присоединялся к Белой армии, так как в то время идейно не принимал большевизм. Вместе с тем, главной целью Ваврика в рамках Белого движения была «борьба за свободу Карпат»⁸⁴. Как представляется, его волновала не столько судьба реальной постимперской России, сколько будущее его родного края в рамках воображаемого «русского» государства. Символически это выразилось в одном из рассказов Ваврика, где один из будущих белых вождей, генерал Корнилов, бежит из плена через Карпаты, и успеху его предприятия способствует не только местное население, но и сама природа⁸⁵. Хотя своему участию в Белом движении Ваврик посвятил ряд произведений, уже к середине 1920-х гг. «белая» тематика в его творчестве сошла на нет, и ее место полностью заняла галицкая.

Тем временем, Добровольческая армия, теснимая советскими войсками, 9 февраля 1918 года была вынуждена оставить Ростов и выступить в «Кубанский поход» на Екатеринодар. В позднейшей эмигрантской рецепции этот поход, получивший также название «Ледяного», приобрел черты полноценного эпоса. В реалиях же зимы-весны 1918 года он был военной авантюрой с неизвестным исходом, призванной вывести с Дона военные кадры и спасти прибывших к армии гражданских лиц. В составе Добровольческой армии в поход выступил и Ваврик. По совпадению вместе с ним в рядах «добровольцев» оказалось еще двое литераторов: прапорщики Евгений Шварц, в будущем известный советский драматург, и поэт Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой. В советские времена Ваврик тщательно скрывал факт службы у белых, при том, что он участвовал в Гражданской войне на их стороне практически с первого до последнего дня и был награжден знаком «первоходника» – одной из наиболее почитаемых наград Белого движения.

Как следует из документов, Ваврик всю войну прослужил в своем карпаторусском подразделении, которое переводили из части в часть. В апреле 1919 года он был произведен в прапорщики, а в сентябре того же года – в поручики⁸⁶. Фотография того времени зафиксировала Ваврика в форме поручика, хотя впоследствии он писался штабс-капитаном и даже капитаном⁸⁷. Со временем нахождения карпато-русского отряда в составе армии Деникина связан один непонятный сюжет. Согласно описанию Романа Мировича, «отряд, развернувшийся в полк, пытался через Украину и Волынь проникнуть к родным границам, но был разбит сильной группой анархиста Махно на Днепре»⁸⁸. Полвека спустя Ваврик вспо-

⁸³ Белый архив. Т. 1. С. 176.

⁸⁴ Мирович. Василий Романович Ваврик (к 75-летию со дня рождения). С. 98.

⁸⁵ Ваврик В.Р. Побег из плена генерала Корнилова через Карпаты // Младорусь: периодический литературно-художественный сборник. Кн. 1. Прага, 1922. С. 34-36.

⁸⁶ Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 55.

⁸⁷ Там же; Галергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

⁸⁸ Мирович. Василий Романович Ваврик (к 75-летию со дня рождения). С. 98.

минал, что его подразделение было практически полностью уничтожено у Кичкасского моста (он находился в районе нынешнего города Запорожье), а сам он едва спасся, бросившись в реку⁸⁹. Видимо, это произошло во время рейда махновцев по тылам белых армий осенью 1919 года. В данном контексте не очень ясна формулировка «проникнуть к родным границам». Напрашивается вывод, что личный состав карпато-русского отряда намеревался совершить массовое дезертирство (в случае Ваврика – уже третье за последние три года), поняв бесперспективность борьбы за свои цели в рядах белых. В любом случае, непонятно, как они представляли себе путь в Галицию через охваченную войной Украину.

За время боев Ваврик был дважды ранен – в бою у станицы Кагальницкой в апреле 1918 и у колонии Вернерсдорф в Таврии 17 июля 1920. После второго ранения он был переведен в тыл – сначала в штаб главнокомандующего Русской армией барона Врангеля, а затем в отдел печати его правительства⁹⁰. В ноябре 1920 года он эвакуировался из Крыма вместе с остатками белых армий и оказался в Югославии.

Пока Ваврик воевал, на его родине произошли заметные изменения. С окончанием Первой мировой войны Австро-Венгрия оказалась в стане побежденных. Значительная часть ее территории либо досталась другим государствам, либо стала основой для их возникновения. Галиция в 1919 году оказалась ареной противостояния между молодыми польским и украинским государствами и в итоге вошла в состав Польши. Русофильское движение находилось в крайнем упадке. Осознавая это, Ваврик решил пока не возвращаться в родные края. В мае 1921 года он перебрался в Подкарпатскую Русь (тогда в составе Чехословакии, сейчас – часть Украины) и поселился в Ужгороде, чтобы начать жизнь заново.

Жизнь вторая (1921-1944)

Как свидетельствуют документы, в Подкарпатье Ваврик задержался всего на полгода⁹¹. Согласно официальной биографии, он занимался журналистикой в роли редактора или, по другой версии, главного редактора еженедельника *Русский православный вестник*⁹². По утверждению Романа Миновича, первые 15 выпусков журнала были целиком сделаны Вавриком⁹³. Тем не менее, в выходных данных журнала он не фигурировал, и этот факт был почерпнут учеными из

⁸⁹ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 66, л. 52 (письмо Н. Водовозову от 7 ноября 1967 г.).

⁹⁰ Волков. Первые добровольцы на Юге России. С. 55.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р5764, оп. 3, д. 798, л. 1.

⁹² Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87-88.

⁹³ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 151, л. 5.

некролога, составленного друзьями покойного⁹⁴. Возможно, Ваврик просто участвовал в подготовке каких-то материалов в качестве корреспондента или автора, однако представляется крайне сомнительным, что он направлял редакционную политику. Кроме того, журнал начал выходить в Ужгороде в начале сентября 1921 года, а через два месяца Ваврик уже был в столице страны – Праге.

Прага того времени была одним из творческих и интеллектуальных центров русской эмиграции. В ней кипела литературно-художественная жизнь, открывалось множество русских общественных и образовательных организаций. Президент Чехословакии Томаш Масарик был благожелательно настроен к русским эмигрантам: в частности, правительство страны оказывало финансовую помощь тем, кто хотел получить образование. Воспользовавшись этим, Ваврик поступил на философский факультет Карлова Университета с намерением изучать славянскую филологию.

Время, проведенное Вавриком в Праге, нельзя характеризовать однозначно. С одной стороны, он стремился реализовывать свои творческие устремления, выпустив три сборника стихов, и завязать контакты с людьми, близкими ему по научным интересам и духовным взглядам. Вместе с тем, как следует из документов, жизнь в столице для Ваврика была сопряжена с постоянной материальной нуждой. Если в первом семестре (1921/22) он жил на Виноградах, в хорошем районе недалеко от центра города, то затем ему пришлось перебраться на рабочую окраину, в район улицы *В Домове*. Второй и третий семестры (1922/23) Ваврик провел сначала в русском студенческом общежитии на Вышеградской, а затем в русских бараках в пражском предместье Страшнице⁹⁵. В течение 1923 года Ваврик как минимум три раза менял квартиры, кочуя по городским окраинам – с Либеня на Панкрац, оттуда в Нусли и снова на Либень. В письмах этого периода Ваврик жаловался, что вынужден жить в крайне стесненных условиях на средства Русского студенческого комитета, что «измотал» в Праге всю душу и хочет перебраться в Америку к брату и сестре⁹⁶.

Тем не менее, Ваврик, несмотря на сложности, сумел закончить учебу и в марте 1926 года защитил диссертацию на соискание степени доктора славянской филологии. Грело его также и то, что за время пребывания в Праге он сумел в какой-то степени зарекомендовать себя в среде русофилов – как в Галиции, так и за ее пределами. Богатая творческая жизнь русской эмиграции в Чехословакии как будто прошла мимо Ваврика. Много рассуждавший о русской литературе и ее «органической» карпато-русской части⁹⁷, Ваврик не стремился выйти за рамки

⁹⁴ Данилец Ю.В. Часопис Русскій православный вѣстникъ 1921-1922 // *Pravoslávie a súčasnosť: Zborník príspevkov zo VII. Vedeckej konferencie študentov, absolventov a mladých vedeckých pracovníkov*. Prešov, 2015. P. 45-46.

⁹⁵ АУК. Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415; Ibid. Letní běh 1922, 381; Ibid. Zimní běh 1922/23, 1467.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р5966, оп. 1, д. 46, л. 5, 17, 18 (письма Ю. Яворскому от 22 января и 1 декабря 1923 г., 18 января 1924 г.).

⁹⁷ Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. Лувен, 1973. С. 74.

собственной провинциальности и, как свидетельствуют документы его архива, предпочитал общаться с теми, кто был близок ему по взглядам. Свою диссертацию, подытожившую многолетние занятия русским языком и литературой, он посвятил галицкому персонажу XIX века Якову Головацкому и «его значению в галицко-русской словесности». Вторая диссертация, защищенная в июле 1929 года во Львове, повествовала о жизни и творчестве другого галицко-русского деятеля – Ивана Вагилевича.

После окончания учебы Ваврик поспешил на родину, которую не видел двенадцать лет. За это время жизнь там вновь изменилась. После вхождения Галиции в состав Польши центр тяжести традиционных противоречий сместился на украинно-польский конфликт. Правительство санкционировало раздачу земли польским колонистам, украинская политическая и культурная жизнь заметно ограничивалась. Это способствовало учащению саботажа со стороны местного украинского населения и акций устрашения – со стороны украинских националистов. В качестве ответной меры польское руководство осенью 1930 года провело «усмирение» («пацификацию») Галиции – масштабную полицейско-войсковую операцию по подавлению сопротивления. Несмотря на то, что вскоре отношения властей с легальной украинской оппозицией были нормализованы, противоречия между украинцами и поляками не переставали нарастать. Вся первая половина 1930-х гг. прошла под знаком терактов, осуществляемых в Галиции недавно возникшей Организации украинских националистов (ОУН).

В таких условиях Ваврик намеревался возродить русофильское движение в том виде, в каком он его знал до войны. Начиная с 1926 года он координировал работу сохранившихся во Львове русофильских культурных организаций, прежде всего, Ставропигийского института и Галицко-русской матицы – в прежнее время главных научных и культурно-просветительских органов русофилов. Так, он был многолетним ученым секретарем Ставропигии, преподавателем русского языка в учительской семинарии при институте, редактором изданий и библиотекарем Галицко-русской матицы, секретарем Талергофского комитета.

Деятельность Ваврика в 1930-ые гг. дает богатый материал для дальнейшей характеристики его личности. В ней идеализм сочетается с болезненным самолюбием. В чем-то позиция Ваврика соотносилась с окружающей действительностью. Межвоенная Польша, составленная из заметно различавшихся между собой территорий, была централизованным государством, в управлении которым начиная с 1926 г. присутствовали диктаторские черты. Ваврик, после получения второго высшего образования, намеревался устроиться на госслужбу⁹⁸. Когда этого не удалось, он решил реализовать свои скрытые амбиции в общественной сфере. Его действия в определенной степени были авторитарными и противоречили самому коллегиальному духу Ставропигии. Восторгаясь галицко-русскими деятелями прошлого, Ваврик представлял именно себя их подлинным наследни-

⁹⁸ Мирович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

ком и преемником, ревностно относясь к своему, пусть и неформальному, интеллектуальному и духовному лидерству. Вместе с тем, порой в письмах Ваврик жаловался, что его собратья по движению не участвуют в нем должным образом, и ему приходится тянуть все одному⁹⁹.

Хваля своих соратников по общественной деятельности в печати, в частной переписке Ваврик не жалел желчи в их адрес. Так, в одной из позднейших работ видный галицко-русский интеллектуал Марьян Глушкевич, к тому времени уже покойный, описывается Вавриком как «наиболее представительный» по своему таланту русофил¹⁰⁰. Тем не менее, в одном из писем Ваврика более раннего периода Глушкевич предстает «человеком неуравновешенным и шатающимся», который несет ответственность за то, что украинцы отнимают у русофилов их позиции¹⁰¹. Другой деятель русофильского движения еще времен Гражданской войны в России, Адриан Копыстьянский, получил от Ваврика высокую посмертную оценку за свои достижения «в галицко-русской общественной жизни»¹⁰². Напротив, при жизни Копыстьянского Ваврик именовал его «главным мотором украинского правописания», а подготовленный им сборник песен назвал «настоящим чудовищем»¹⁰³.

Вполне возможно, что притязания Ваврика имели не только духовную подоплеку. Чехословацкий диплом требовал нострификации в Польше, и Ваврику пришлось повторно получать высшее образование на философском факультете Львовского университета для того, чтобы иметь формальный диплом педагога¹⁰⁴. Очевидно, «лидеру» русофильского движения, у которого к концу 1920-х гг. уже были жена и дочь, банально не хватало средств на жизнь. Ему приходилось преподавать «малорусский» язык в ряде учебных заведений Львова, что утомляло и отнимало много сил¹⁰⁵.

Хозяйство Ставропигийского института даже в 1930-е гг. было весьма обширным. Оно включало несколько домов в центре Львова общей стоимостью в 1 млн злотых, типографию, сдаваемую в аренду, книжный магазин и другие недвижимые активы. Только сдача квартир в наем принесла Институту в 1935 году более 60 000 злотых¹⁰⁶. Очевидно, стремление возглавить работу Ставропигии имело для Ваврика важное значение и в плане финансовой независимости. Начав работать секретарем, он сразу же поправил свое имущественное положение, перебравшись с тогдашней окраины Львова (конец Лычаковской улицы) в самый

⁹⁹ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письма Ф. Аристову, начало ноября 1929 и 22 июня 1930 гг.

¹⁰⁰ Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. С. 64.

¹⁰¹ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письмо Ф. Аристову от 3 февраля 1930 г.

¹⁰² Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. С. 65.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письмо Ф. Аристову от 22 июня 1930 г.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 13.

¹⁰⁵ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письмо Ф. Аристову от 12 декабря 1929 г.

¹⁰⁶ Временник Ставропигийского Института. Научно-литературные записки Львовского Ставропигиона на 1936 и 1937 годы. Львов, 1937. С. 12.

центр города – на улицу Подвальная¹⁰⁷. Можно представить, что советская пенсия в 565 рублей (56 рублей 50 копеек после денежной реформы 1961 года) казалась Ваврику непривычно малой¹⁰⁸.

Судя по количеству публикаций Ваврика в данный период, может сложиться впечатление о значительной публичной активности русофилов и их участии в жизни края. Тем не менее, сам автор в переписке признавался, что их «мало», «русское движение не представляет после войны ни малейшей силы», а среди русских партий «до того скверные отношения, что жить не хочется»¹⁰⁹.

С целью укрепления позиций русофильства Ваврик поначалу считал, что необходимо продвигать позиции литературного русского языка. Здесь возникла определенная проблема. В представлении интеллектуалов между «русским» и русским языком существовали минимальные различия, и носители обоих языков по идее легко понимали друг друга. Однако на практике каждая этническая группа в Карпатах вкладывала в понятие «русский» что-то свое, и порой диалекты и говоры даже в пределах одной территории сильно различались. Сказывалось заметное региональное влияние других языков – польского, словацкого, немецкого. Ваврик со своей стороны был в полной уверенности, что галичане прекрасно понимают русских классиков, а перевод только портит их¹¹⁰. Тем не менее, печатая в изданиях «для народа» стихи Пушкина, Лермонтова и Некрасова, составители вынуждены были снабжать их обширным подстрочником, объясняющим простому галичанину значение того или иного слова классика «их» литературы.

Вместе с тем, Ваврик осознавал, что, при очевидной слабости русофильства в Галиции и смещения акцента противоречий в другие сферы, движению необходима некая конституирующая идея. События 1914-1922 гг. дали украинцам целый ряд ярких образов, которые легли в основу разветвленной национальной мифологии и стали символами борьбы за украинскую государственность. Для участников украинского национального движения по понятным причинам не существовало диалектики локальной и общерусской идентичности. Для галицких русофилов подобная проблема стояла остро, и Ваврик предложил из нее своеобразный выход. По его представлениям, политическое единство с великороссами не могло возобладать над культурным, тогда как местных русофилов и с политической, и, что важнее, с духовной точки зрения объединяли события Первой мировой войны в Галиции, прежде всего, репрессии против местного русинского населения.

Стоит отметить, что на формирование современной эсхатологии, о которой уже говорилось выше, заметно повлияли идеи, распространенные в собственно русской национал-консервативной мысли. Это касается концепции «народа-богоносца», теории противостояния «русского мира» враждебному натиску

¹⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 15; ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 15 об.

¹⁰⁸ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 65, л. 10 (письмо Н. Водовозову от 1 октября 1958 г.).

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письма Ф. Аристову, 12 декабря 1929 и 22 июня 1930 гг.

¹¹⁰ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 65, л. 3 (письмо Н. Водовозову от 10 июня 1958 г.).

извне и наличии в русской среде некой разрушительной силы, готовой в переломный момент обнажить свою деструктивную сущность. Все это указывает на знакомство Ваврика с творчеством Ф.М. Достоевского, в частности, с романами *Бесы* и *Братья Карамазовы*. Чисто российские реалии сглаживались Вавриком в сторону галицкой действительности. К примеру, роль «бесов» Достоевского заняли украинофилы – «предатели» своего народа, ставшие проводниками «темной силы».

В годы нахождения Ваврика в рядах Белой армии он воспринял и концепцию «исторической правды», одну из стержневых в идеологии Белого движения. Согласно ей, Россия, несмотря на все перипетии, должна была возродиться в прежнем виде. Ваврик вновь перевел ее на галицкие реалии. Когда указанный эсхатологический нарратив только начинал появляться (первая статья о нем относится к 1922 году), Ваврик писал Яворскому, что за русинами стоят «историческая правда, народное сознание и его жертвы, принесенные за правду»¹¹¹. Примечательно, что в каком-то смысле речь шла и о поверхностном «калькировании» моделей украинского национального движения. Там, где у украинцев была Россия/СССР, у русофилов появилась Австрия, а затем абстрактные «немцы и мадьяры». Украинцы указывали на притеснение их языка в России, русофилы – русского языка в Австрии, хотя и в том, и в другом случае все было не так однозначно. Критикуя украинцев за отнесение *Слова о полку Игореве* к украинской литературе, Ваврик сам относил галицко-русских литераторов к наследникам этого древнерусского памятника¹¹². Галиция у Ваврика принимала роль «защитной стены» против натиска Запада, тогда как в украинском дискурсе та же Галиция была заслоном Европы против России. Заимствования делались даже на уровне политической риторики: украинское «свідомий» превращалось в русофильское «сознательный».

Компилируя данный эклектичный и противоречивый дискурс, Ваврик, очевидно, сам того не ведая, создавал некое подобие национальной идеи для разрозненных этнических групп того региона, который русофилы называли Карпатской Русью. Как и бывает в таких случаях, автор обращался не к реальным событиям, а к их последующей эмоциональной рецепции. В дальнейшем апелляция происходила именно к ней, тогда как факты сначала отходили на второй план, а затем и вовсе растворялись в иррациональном повествовании.

Таким образом возникало как бы две ипостаси одного и того же явления. С подачи Ваврика понятия «Терезин» и «Талергоф» стали своего рода идейными паролями русофильского движения, которые он пытался вывести за рамки интеллигентских рассуждений. В годовщину событий (1933-1934 гг.) Ваврик обращался к теме репрессий и лагерной «Голгофы» не менее сорока раз – как в публицистике, так и в художественных произведениях «для народа»¹¹³. Много позже

¹¹¹ ГАРФ. Ф. Р5966, оп. 1, д. 46, л. 2 (письмо Ю. Яворскому от 5 января 1923 г.).

¹¹² Ваврик В.Р. Галицкая литература «Слова о полку Игореве». Львов, 1930. С. 15.

¹¹³ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 151, л. 26-30.

Ваврик даже в формальной автобиографии, описывая свою жизнь в годы Первой мировой войны, не мог обойти этих событий и не перейти к их эпическому описанию¹¹⁴.

Политическая и творческая деятельность Ваврика в принципе укладывается в рамки стадийной концепции национализма Мирослава Гроха. Согласно ей, в стадии А представители интеллигенции, оторванные от широких слоев населения, начинают узнавать и изучать народную культуру; затем, в стадии В, интеллектуалы начинают «просвещать» народ и заниматься политикой. Наконец, в финальной стадии С, идеи национализма проникают в толщу населения. Первый этап, обозначенный Грохом, галицкие «будители» прошли уже к концу первой трети XIX века. Второй же, растянувшийся на следующие сто лет, так и не был преодолен. В этом отношении неудивительно, что стихи Ваврика по художественным достоинствам и смысловому наполнению остались на уровне максимум 1870-х гг.

Парадигмальной ошибкой русофилов стало их отношение к тем, кого они собирались приобщать к «великому русскому наследию». Их представление о том, что «народ» нуждается в нравственной и моральной опеке, чем-то перекликается с аналогичным подходом части русской интеллигенции и, скорее всего, было позаимствовано у нее. Русофильская интеллигенция полагала, что это простым людям следует тянуться к русскому языку, а не им, интеллектуалам, к народному. В письме Яворскому Ваврик сокрушался, что знаменитый русский литературовед Александр Пыпин еще в 1880-е гг. подверг критике «лучших представителей» галичан за то, что те стремились приспособить местные говоры к общему литературному языку¹¹⁵. Определенным компромиссом здесь стала разработка т.н. языка, основанного на смешении церковнославянского, русского и местных наречий, однако и оно достаточно скоро пришло в упадок.

Среди других направлений галицкого «просвещения» были также поощрение развития культурной активности в народе и поддержание его трезвости¹¹⁶. В выпущенном в 1932 году для «народа» сборнике стихов содержались примитивнейшие рекомендации по их декламации, о том, что декламатор должен обладать приятным голосом, кланяться после исполнения и не читать веселых стихов на траурных мероприятиях, таких как «талергофские поминки»¹¹⁷. Ради «народной трезвости» русофилы не стеснясь цензурировали русскую классику: так, «пьяные мужички» в хрестоматийном стихотворении Лермонтова «Родина» превратились в «резвых»¹¹⁸.

Украинофилы оказались на культурно-языковой ниве куда успешнее. Украинская интеллигенция стремилась кодифицировать «просту мову» как литератур-

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 17.

¹¹⁵ Там же. Ф. Р5966, оп. 1, д. 46, л. 2 (письмо Ю. Яворскому от 5 января 1923 г.).

¹¹⁶ Ваврик. Калинин сруб. С. 10-11.

¹¹⁷ Веночек стихотворений. Львов, 1932. С. 3-4.

¹¹⁸ Там же. С. 9.

ный язык и обращалась в диалоге с «народом» не к далеким петербургским и московским реалиям, а непосредственно к местным культурным традициям – галицкой и малороссийской. В итоге уже к 1930-м гг. украинское национальное движение «пробежало» все три стадии по Гроху. Вместе с другими факторами в условиях украино-польской напряженности в широких массах населения Галиции возник интерес к украинскому национализму – от умеренных до радикальных форм. Потерю популярности русофильством Ваврик объяснял не иначе, как происками множества врагов, которые «открыто и тайно» выступали против него¹¹⁹. Лейтмотив о постоянных интригах и желании удалиться на покой возник у Ваврика еще в начале 1930-х гг. и не прекращался до конца жизни¹²⁰, однако он так и не оставил своей деятельности. Даже в хрущевские времена, когда о Ваврике уже забыли и за его счет только самоутверждались мелкие партийные функционеры во Львове, он считал это очередной волной гонений и доносов на русофилов¹²¹.

Резкие перемены в привычную жизнь принес 1939 год. 23 августа Советский Союз и нацистская Германия заключили пакт о ненападении, а уже 1 сентября германские войска вторглись в Польшу. 17 сентября Красная армия начала «освободительный поход» в восточные области Польши для «воссоединения» Западной Белоруссии и Западной Украины с «советской родиной». Приход советских войск Ваврик воспринял неоднозначно. Хотя его отношение к большевизму по старой памяти было негативным¹²², в сентябре 1939 года он приветствовал «возвращение» Львова «с огромной радостью», подписав торжественное обращение к Красной армии¹²³.

Вместе с тем, для советских властей все «русские» галичане безальтернативно были украинцами. Деятельность русофильских структур к декабрю 1939 года была прекращена, и Ваврик устроился старшим преподавателем русского языка во Львовский университет¹²⁴. Примечательно, что в анкетах времен первого периода советской власти в Галиции (1939-1941) Ваврик продолжал писаться «русским»¹²⁵. По его словам, на этой почве у него возник конфликт с ректором университета Михаилом Марченко, в результате чего он попал в местное управление НКВД, откуда, впрочем, достаточно быстро был отпущен¹²⁶. Существует утверждение Ваврика, что из-за своей позиции он был даже уволен из университета,

¹¹⁹ РГАЛИ. Ф. 196, оп. 1, ед. хр. 13, письмо Ф. Аристову от 3 февраля 1930 г.

¹²⁰ Там же. Письма Ф. Аристову от 3 февраля и 22 июня 1930 г.; ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 65, л. 31 об (письмо Н. Водовозову от 28 июля 1959 г.).

¹²¹ Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. М., 2001. С. 179.

¹²² ГАРФ. Ф. Р5966, оп. 1, д. 46, л. 2 об (письмо Ю. Яворскому от 5 января 1923 г.).

¹²³ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

¹²⁴ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 14 об.

¹²⁵ Архів ЛНУ. Особистий листок по обліку кадрів В.Р. Ваврика. Л. 1.

¹²⁶ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 148, л. 10.

что не подтверждается документально¹²⁷. Очевидно, во избежание таких случаев в дальнейшем Ваврик после войны записывался уже «украинцем»¹²⁸.

Политическая ситуация в Европе быстро менялась, и в скором времени уже СССР и Третий рейх оказались на пороге войны. Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 года застало Ваврика врасплох, однако он остался во Львове. В своем дневнике он мотивировал это тем, что был зарегистрирован в НКВД как офицер-белогвардеец и опасался эвакуироваться в Россию¹²⁹.

В официальной биографии Ваврик указывал, что он, чтобы выжить в оккупированной Галиции, устроился счетоводом в домоуправление Ставропигийского института¹³⁰. Тем не менее, документы и личные записи Ваврика свидетельствуют об обратном. Среди его бумаг сохранилась справка, выданная Львовской биржей труда 4 июля 1941 года, уже через четыре дня после оставления Красной армией Львова. Согласно ей, ему следовало вновь занять место секретаря Ставропигии¹³¹. Существует также пропуск Ваврика, выданный 25 июня 1942 года Временным правлением Института. В нем содержалось обращение «ко всем государственным службам» не препятствовать Ваврику в исполнении его обязанностей как секретаря¹³². Назвав себя после войны «счетоводом», Ваврик явно поскромничал. Как следует из его дневника, Институт формально возглавлял престарелый Ярослав Витошинский, и всю работу реально приходилось курировать Ваврику. Немцы продолжали использовать активы, принадлежавшие Ставропигии, и Ваврик, судя по его словам, был кем-то вроде исполнительного директора¹³³.

Как сообщает нам официальный некролог, в годы оккупации Ваврик «постоянно находился под наблюдением немецких агентов»¹³⁴. Однако его личные записи свидетельствуют об обратном. Так, в указанное время ему поступали самые разные предложения о сотрудничестве. Это были, в том числе, предложения возглавить некий «русский комитет» в Галиции и работа в гестапо¹³⁵. В 1943 году Ваврика дважды приглашали на работу в богословскую академию, причем второй раз приглашение поступило лично от коадьютора Львова, будущего председателя Украинской Греко-католической церкви Иосифа Слипого¹³⁶. Тем не менее, Ваврик последовательно отклонял все предложения, как сам пишет, желая в переходное время «стоять в стороне»¹³⁷.

¹²⁷ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 177, л. 8; там же. Ед. хр. 49, л. 1.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 14.

¹²⁹ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 177, л. 58.

¹³⁰ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 14 об, 17 об.

¹³¹ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 39, л. 1.

¹³² Там же. Ед. хр. 40, л. 1.

¹³³ Там же. Ед. хр. 177, л. 67 об.

¹³⁴ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

¹³⁵ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 177, л. 68-69 об.

¹³⁶ Там же. Л. 67-67 об.

¹³⁷ Там же.

Судя по дневнику Ваврика времен войны, первоначально его отношение и к немцам, и к большевикам было отрицательным. Однако, столкнувшись с реалиями оккупации, он, очевидно, скорректировал свое отношение к последним. По официальной версии, Ваврик в это время «всячески действовал в пользу родного края, помогая советским солдатам»¹³⁸. Подобные случаи действительно могли иметь место. Другое дело, что их оценку затрудняет постоянная мистификация Вавриком собственной биографии. К примеру, он пишет, что в конце войны был вынужден скрываться, «чтобы не попасть в руки гестапо или террористов»¹³⁹. Однако сохранилась повестка от 22 февраля 1944 года, в которой жилищное управление муниципалитета официально предписывало Ваврику освободить его жилплощадь в здании, принадлежавшем Институту¹⁴⁰. При этом по документам Ваврик продолжал работать в Ставропигии до июня 1944 года¹⁴¹, то есть практически до самого освобождения Львова Красной армией. С возвращением советской власти для Ваврика в очередной раз началась новая жизнь.

Жизнь третья и последняя (1944-1970)

Вступление на территорию Галиции советских войск обозначило соприкосновение двух реальностей – новой и уходящей, которые в иных обстоятельствах вряд ли были возможны. В ноябре 1944 года во Львове скончался греко-католический митрополит Андрей Шептицкий, начавший свою пастырскую деятельность еще в классические австрийские времена. Все значимые события края за последние шестьдесят лет, в том числе борьба русофилов и украинофилов в начале XX века, были на его памяти. На похоронах Шептицкого присутствовала делегация от руководства советской Украины. В ее числе был тогдашний глава правительства республики Никита Хрущев, будущий лидер СССР, имя которого ассоциируется уже с событиями ядерной эпохи, такими как Карибский кризис 1962 года.

Время дискуссий между сторонниками общерусской и украинской идеи тоже уходило в прошлое. Не имея больше возможности легально заниматься общественной деятельностью, Ваврик переключился на научную работу. В августе 1944 года он вернулся на свое университетское место, а уже через месяц перешел на должность старшего научного сотрудника в Государственный исторический музей Львова¹⁴². В послевоенное время его отношение к советскому строю начало постепенно меняться в лучшую сторону, а он сам начал заново социализироваться уже как советский человек. В июне 1949 года Ваврик закончил вечерний Университет марксизма-ленинизма при львовском горкоме партии, сдав на «от-

¹³⁸ Минович, Аристова. Доктор В.Р. Ваврик (некролог). С. 19.

¹³⁹ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 17 об.

¹⁴⁰ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 168, л. 1.

¹⁴¹ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 14 об.

¹⁴² Там же; ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 41, л. 1.

лично» экзамены по истории ВКП(б), политэкономии, диалектическому и историческому материализму¹⁴³. За год до этого Ваврику была вручена медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»¹⁴⁴. В письмах ощущаются его восторг от достижений «социалистического строительства» и «уровня духовной жизни» в Советском Союзе¹⁴⁵.

Примечательно, что вхождение бывшей восточной части Галиции в состав Советского Союза, то есть символическое объединение Москвы и Львова, о котором мечтал Ваврик, сгладило диалектику соотношения «общерусской» и локальной галицкой идентичностей в его взглядах. Как следует из позднейшей работы Ваврика, в изменившейся действительности его прежде всего согревала мысль о том, что «вся западная Русь... объединилась с матерью Родиной» и «опасность гибели в чужом море миновала раз навсегда»¹⁴⁶. При этом, судя по его письмам того времени и материалам русинской диаспоральной печати, где он публиковался, позитивные достижения Советского Союза рассматривались как достижения русского народа, поэтому противоречия здесь не было.

Очевидно, подспудно Ваврик надеялся, что в послевоенном дискурсе о русском народе как «старшем» среди «братских народов» СССР его прежние убеждения могут актуализироваться. Такое представление очевидным образом происходило из правительственной линии по инкорпорации Западной Украины. Она включала в себя, помимо прочего, борьбу с украинскими националистами и ликвидацию (по крайней мере, формальную) униатской церкви на советской территории. Некоторые русофилы «старой закалки» даже заняли во Львове руководящие посты. К примеру, Кузьма Пелехатый, галицко-русский журналист, стал заместителем председателя (впоследствии председателем) Львовского облисполкома.

Исследования Ваврика, касавшиеся галицко-русских деятелей, тоже приобрели определенную злободневность. Так, в ходе подготовки статьи об Иване Наумовиче редакция попросила автора подать его как общественного деятеля и борца «за воссоединение Галиции с остальной русской землей»¹⁴⁷. Тем не менее, Ваврик не учел, что проводниками новой политики стали, в том числе, наследники советской «украинизации». В их представлении существовал «правильный советский» и «неправильный буржуазный» национализм. Роль русского народа как «старшего брата» в этой схеме никак не согласовывалась с теми представлениями о русских, которых придерживался Ваврик.

На этой почве иногда возникали эксцессы. Так, в 1948 году Ваврику была поручена проверка книжных фондов музея, в котором он работал, на предмет идео-

¹⁴³ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 24.

¹⁴⁴ Там же. Л. 16.

¹⁴⁵ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 65, л. 13, 28 (письма Н. Водовозову от 28 ноября 1958 и 30 мая 1959 гг.).

¹⁴⁶ Ваврик В.Р. Краткий очерк галицко-русской письменности. С. 75.

¹⁴⁷ Вялова. Неизданные письма В. Д. Бонч-Бруевича. С. 119-120.

логического соответствия. В результате вторичной проверки цензором было обнаружено «три антисоветских националистических издания», при этом вскрылся факт службы Ваврика во врангелевской армии¹⁴⁸. Скорее всего, одним из этих изданий была книжка его воспоминаний о Гражданской войне. Тогда это дело (возможно, при вмешательстве Пелехатого) смогли замять, и Ваврик даже впоследствии получил положительную характеристику по месту работы¹⁴⁹. Чтобы не искушать судьбу еще раз, до конца правления Сталина Ваврик занимался по большей части краеведческими исследованиями и подрабатывал экскурсоводом по Львову.

В приходе к власти Хрущева и наступившем периоде «оттепели», ознаменовавшим некоторое ослабление идеологической цензуры, Ваврик вновь увидел возможность для возрождения своих идей. Очевидно, укрепило его в этом мнении учреждение в сентябре 1955 года Международного комитета славистов. Уже в декабре того же года Ваврик подал в Высшую аттестационную комиссию Министерства высшего образования в Москве заявление с целью «узаконить» свою ученую степень, полученную в Польше¹⁵⁰, в чем при Сталине ему было отказано¹⁵¹. В октябре 1956 года ученый совет Института литературы имени Т.Г. Шевченко АН УССР постановил присудить Ваврику ученую степень кандидата филологических наук по совокупности научных заслуг без защиты диссертации¹⁵². По иронии судьбы, русофил Ваврик получал документы в киевском учреждении, названном в честь поэта, который был одним из символов его идеологических оппонентов.

Как можно установить из переписки, Ваврик после переквалификации рассчитывал получить более высокую академическую должность. Возможно, с ней он, как и тридцать лет назад в Польше, связывал возможность некоего идейного влияния. Для этого он, в частности, обращался к председателю Международного комитета славистов, академику Виктору Виноградову, и просил похлопотать за себя московского профессора Николая Водовозова¹⁵³. Утверждение о том, что Ваврик был «вынужден уйти с работы» сразу же после присуждения степени из-за начавшихся «с новой силой доносов и интриг»¹⁵⁴, не соответствует действительности: по документам он уволился из музея еще до защиты, в сентябре 1956 года¹⁵⁵.

Честолюбивые намерения Ваврика, однако, крайне неудачно совпали с прошедшим в том же году XX съездом КПСС. Осуждение личности Сталина и его

¹⁴⁸ Федотова О. Цензурні джерела з контролю за музейними фондами друкованих видань в УРСР у 1947-1952 роках // Вісник книжкової палати. 2004. № 3. С. 39.

¹⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 19.

¹⁵⁰ Там же. Л. 12.

¹⁵¹ ОР РНБ. Ф. 1081, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1.

¹⁵² ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 4.

¹⁵³ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 65, л. 10 об-11 (письмо Н. Водовозову от 1 октября 1958 г.).

¹⁵⁴ Пашаева. Очерки истории русского движения в Галичине XIX-XX вв. С. 179.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. Р9506, оп. 12а, д. 22, л. 14 об.

идеологического наследия подвигло партийных функционеров на местах продемонстрировать свою приверженность ленинским принципам. Это касалось, в том числе, и национальных вопросов, в которых покойный вождь считался непревзойденным авторитетом.

Фото В.Р. Ваврика с личного листка по учету кадров Львовского Государственного исторического музея, 1956. ГАРФ.Р9506.12а.22, л. 14.

Едва ли в это время кто-то собирался заниматься разбором и осуждением наследия Ваврика, однако о нем неожиданно вспомнили. Поводом для этого послужил выход в конце 1957 года монографии преподавателя Львовского университета Виктора Малкина, посвященной рецепции русской литературы в австрийской Галиции. В ней автор осторожно предложил не трактовать деятельность русофилов в однозначно негативном ключе и вскользь упомянул заслуги Ваврика¹⁵⁶. В результате в начале 1959 года в львовской газете *Свободная Украина* на книгу Малкина вышла разгромная рецензия. В ней автор упрекался в том, что подошел к рассмотрению «чрезвычайно важного и серьезного вопроса (...) без необходимой в научной работе ленинской принципиальности»¹⁵⁷.

Ваврику, всегда стремившемуся к лидерству среди русофилов, теперь пришлось отвечать на реальные и мнимые обвинения. В статье он был заклеен как «реакционер» и украинофоб, так и не раскаявшийся за годы советской власти в своих прежних взглядах. Параллельно вновь всплыл факт его службы у белых, который он старался утаить. От вероятных последствий Ваврика спасла локальность происходящего – дело не вышло за пределы Львова. Местные академические и издательские структуры предпочли просто забыть о нем. Для общесоюзных научных центров и издательств его деятельность и так была слишком специфической и лишь иногда Ваврику удавалось по случаю опубликовать в Москве какую-нибудь короткую статью.

В итоге Ваврик окончательно ушел в глубокую «внутреннюю эмиграцию». В письмах он жаловался, что стал в Советском Союзе «нежелательной персоной»¹⁵⁸. Вместе с тем, хотя последние десять лет жизни Ваврик практически безвыездно провел во Львове, именно в это время вокруг него заочно сформировался узкий круг энтузиастов, разделявших его взгляды¹⁵⁹. Этому способствовали определенные тенденции хрущевского времени, в том числе, как ни парадоксально, антирелигиозная кампания начала 1960-х гг. Попытка «возрождения» так называемых «народных обычаев» вызвала у интеллигенции особый интерес ко всему, что было связано с неофициозной русской историей.

Ваврик, по-прежнему считавший себя выдающимся русским общественным деятелем и писателем, стал скорее кем-то вроде гуру для тех, кто обращался к карпатской тематике. К этому времени он окончательно создал вокруг себя ореол гонимого мученика за идею, который, терпеливо снося лишения и происки врагов, борется за Правду, какой он ее представлял. Впоследствии апологеты Ваврика начали романтизировать его биографию. Так, к примеру, ими тиражировалась история о том, что его отец умер от побоев во время поездки на выборы, постра-

¹⁵⁶ Малкин В.А. Русская литература в Галиции. Львов, 1957. С. 156-157.

¹⁵⁷ Гуменюк М. Кому насправді служили галицькі «москвофіли» // Вільна Україна. 15 січня 1959.

¹⁵⁸ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 67, л. 28-28 об (письмо Н. Водовозову от 27 марта 1969 г.).

¹⁵⁹ Там же. Л. 15 об (письмо Н. Водовозову от 5 декабря 1968 г.).

дав за свои убеждения¹⁶⁰. Неясно, исходила ли эта версия от самого Ваврика, однако в одном из писем он указывал, что в реальности его отец был избит слугами помещика, с которым у того был конфликт, а умер он позже, из-за болезни¹⁶¹.

Параллельно Ваврик возобновил сотрудничество с русинскими изданиями в Америке. Хотя он и считал их уровень низким¹⁶², для него публикации в диаспоре по сути оставались последней возможностью быть услышанным. Русинская интеллигенция в США и Канаде пыталась развить на новом месте некое подобие национальной идеи. С этой сферой были связаны различные искания, вплоть до неоязыческих¹⁶³. Тема Талергофа, которая тоже присутствовала в дискурсе, долгое время не занимала центрального места. Не в последнюю очередь это объяснялось тем, что представители диаспоры, в свое время выехав из Австро-Венгрии, оторвались от тех реалий, с которыми пришлось столкнуться их оставшимся землякам.

При непосредственном участии Ваврика талергофский нарратив быстро выдвинулся на передний план. По словам австрийского историка Николь Голль, занимавшейся исследованием документации лагеря Талергоф, именно лагерные события повлияли на самосознание русинов как этнической группы¹⁶⁴, и со временем вокруг них сформировался устойчивый политический нарратив.

Именно с этой «новой жизнью» Талергофа связан самый противоречивый и ангажированный сюжет из биографии Ваврика. В 1966 году в Филадельфии вышла его брошюра *Терезин и Талергоф*, которая, как указывал издатель, должна была стать «сжатым изложением» всего документального массива, накопленного к тому времени о лагерных событиях¹⁶⁵. Однако, как показывает текстуальный анализ, издание 1966 года является переводом на русский язык (с минимальными редакторскими правками) украиноязычной брошюры 1934 года. Она была написана Вавриком к двадцатилетней годовщине возникновения Талергофа и являлась по сути эмоциональным агитационным памфлетом, в котором события 1914-1917 гг. приобретают апокалиптическое звучание. Из значительного количества материалов, составивших четыре тома памятного издания *Талергофский альманах*, в брошюре 1934 года использовались только те фрагменты, которые призваны были подтвердить концепцию автора. Ваврик, насколько можно судить, ревностно отстаивал ее на протяжении всей жизни. В одном из поздних писем он и вовсе указывал, что именно из его творений можно познать «Галицкую Русь» в ее подлинном виде¹⁶⁶.

¹⁶⁰ Пашаева. Русское движение в Галичине XIX-XX вв. С. 126.

¹⁶¹ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 66, л. 49 об (письмо Н. Водовозову от 24 августа 1967 г.).

¹⁶² Там же. Д. 67, л. 6 об (письмо Н. Водовозову от 3 мая 1968 г.).

¹⁶³ См. Терох И. Славянство и Германия. Нью-Йорк, 1944.

¹⁶⁴ Goll N.-M. «Russophile» Zivilinternierte aus Galizien im Lager Thalerhof bei Graz im Ersten Weltkrieg // Update! Perspektiven der Zeitgeschichte. Innsbruck, 2012. P. 33.

¹⁶⁵ Самело Р. Предисловие // Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 4.

¹⁶⁶ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 67, л. 28-28 об (письмо Н. Водовозову от 27 марта 1969 г.).

Вопросы к некоторым моментам ранней биографии Ваврика появились еще при его жизни. Скорее всего, они были обусловлены совершенно безапелляционным стилем его «талергофских» публикаций. Начнем с того, что Ваврик, постоянно обращаясь к коллективному образу «галицких мучеников», практически ничего не говорил, по крайней мере, в печати, о собственных буднях в Талергофе. То, что он целыми днями «сидел в углу барака над сбитым из досочек столиком» и выпускал рукописный сатирический журнал¹⁶⁷, было единственным фрагментом, который запомнился ему из пребывания в лагере. Эта же история была воспроизведена и в издании 1966 года¹⁶⁸. Примечательно, что другой протагонист талергофского эпоса, Роман Минович, всю жизнь собиравший данные о заключенных лагеря, сам в нем не был и вообще по непонятным причинам избежал репрессий. При этом позже он относил себя к пострадавшим просто из-за того, что был «зарегистрирован» властями как русофил.

В разное время Ваврик указывал разные даты прибытия в Талергоф. Так, в 1932 году упоминалось, что он попал туда через год после ареста, то есть в августе 1915 года¹⁶⁹. В 1937 году Ваврик уже указывал другое время – осень 1914 года¹⁷⁰. Детализация «лагерного» отрезка жизни Ваврика выявляет и другие неясные сюжеты. Так, в перечне пострадавших от репрессий, составленном Романом Миновичем, из всей большой «русифильской» семьи Вавриков пострадавшим оказывается один Василий. Ни его матери, ни других родственников, как и просто людей с той же фамилией, в итоговом списке нет. При этом сам Ваврик вспоминал, что, когда он прибыл из Львова в Манаев, мать упрашивала его эвакуироваться вместе с ней вглубь Австрии¹⁷¹.

Еще одним крайне любопытным моментом является собственноручная запись Ваврика в анкете Карлова Университета в 1921 году. На вопрос о месте происхождения им была дана не очень понятная формулировка «русская Галиция» (в чешском оригинале – Rusko Halič)¹⁷². Этот термин применим только к одному периоду – времени с сентября 1914 по лето 1915 гг., когда Галиция была оккупирована русскими войсками, и там было образовано соответствующее генерал-губернаторство. В этом свете получается, что Ваврик, как и многие его земляки, ушел в Россию вместе с отступившими русскими войсками, и он описывал то, чего на самом деле не видел. Более того – все номера журнала, который Ваврик, по его словам, выпускал в Талергофе, «погибли», и сохранился якобы только один экземпляр, хранящийся в частной коллекции в США¹⁷³. В материалах *Талергофского альманаха* всего лишь раз (в мемуарах священника Феофила Кури-

¹⁶⁷ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 89.

¹⁶⁸ Самело Р. Предисловие // Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 4.

¹⁶⁹ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 87.

¹⁷⁰ Временник Ставропигийского Института. С. 130.

¹⁷¹ Талергофский альманах. Вып. 4. Ч. 2. С. 88.

¹⁷² AUK. Katalog studentů Filozofické fakulty 1881-1952. Zimní běh 1921/22, 1415.

¹⁷³ Самело Р. Предисловие // Ваврик. Терезин и Талергоф. С. 4.

ло) упоминается о хождении в лагере рукописного издания, причем не талергофского, а терезинского происхождения¹⁷⁴.

Хотя «старые» русофилы до конца оставались верны своим убеждениям, их «работа» не могла остановить естественный процесс смены поколений и смыслов реальности. Роман Минович, внучатый племянник униатского митрополита Сильвестра Сембратовича, работал в советском институте, где студенты сдавали научный атеизм. Внуки Ваврика уже были советскими украинцами. Галицко-русская «колония» во Львове редела год от года. В последние годы жизни тяжело болевший, Ваврик признавался в письмах, что не видит смысла в своей дальнейшей борьбе и хочет скорее умереть¹⁷⁵. Его не стало 5 июля 1970 года, а через два дня он, согласно завещанию, был погребен на львовском Лычаковском кладбище, в так называемой «братской могиле русских журналистов».

* * *

Жизнь Василия Ваврика во многом отразила события европейской истории первой половины XX века. Этот отрезок в общемировом масштабе стал первым этапом того процесса, который мы сейчас называем глобализация. Именно тогда в Европе, как, впрочем, и по всему миру, рушились старые общности, а с географической карты исчезали те государства, которые появились на ней еще в раннее Новое время. В сфере технического прогресса произошел невиданный ранее рывок. Человек, переживший все потрясения упомянутого времени и наблюдавший сверхзвуковые полеты, мог еще застать время конных экипажей. Вместе с тем, наступившая эпоха ознаменовалась появлением новых социальных практик, принципиально отличавшихся от тех, что существовали ранее. Значительные массы людей оказались вырваны из привычного образа и темпа жизни. Личное столкновение с новыми реалиями подчас оказывалось крайне травматичным, особенно для выходцев из замкнутых сообществ. В последнем случае наступление эпохи перемен воспринималось как некий цивилизационный катаклизм, что могло значительно повлиять на мировоззрение человека.

В случае с Вавриком эти тенденции особенно обострились. Он родился на окраине экзистенциально чуждого ему государства и вырос в условиях доминирования иных, чем его собственная, культур. Стремление Ваврика к более близкому (в данном случае – русскому) духовному наследию во многом произрастало из особенностей его социализации. Для раздираемой межнациональными противоречиями Австро-Венгрии было характерным определять себя через противопоставление Чужому. Важно отметить, что в разных регионах империи колебался только спектр тех, кого можно было отнести к категориям «своих» и «чужих», но они сами как онтологические явления оставались неизменными.

¹⁷⁴ Талергофский альманах. Вып. 3. Ч. 1. Львов, 1930. С. 86.

¹⁷⁵ ОХДЛСМ. Ф. 26, оп. 1, д. 67, л. 28-28 об (письмо Н. Водовозову от 27 марта 1969 г.).

Этому принципу следовали миллионы подданных габсбургского престола. Точно так же, как и Ваврик в Галиции, его соотечественник и ровесник, родившийся ровно на месяц позже в Верхней Австрии, выбрал в качестве объекта противопоставления славян и евреев, а себя соотнес с германской духовной традицией. Для великого множества собственных жителей Габсбургская империя была по-своему ненавистна. В годы Первой мировой войны Ваврик дезертировал из австрийской армии, чтобы не защищать немцев. Его соотечественник с другого конца страны, в свою очередь, пошел служить в германскую армию, чтобы не воевать вместе со славянами.

Рубежным событием в жизни Ваврика стал массовый террор, осуществленный австро-венгерскими властями у него на родине после начала войны с Россией. Первоначальный шок от пережитого сменился рефлексией, которая растянулась на всю оставшуюся жизнь. Сейчас, по прошествии ста лет со времени событий, уже трудно судить о том, что повлияло на их восприятие Вавриком. По всей видимости, психологическая травма от крушения его «старого мира» была столь велика, что большинство реальных воспоминаний стерлось и их заменили позднейшие размышления. В этом смысле талергофский эпос в изложении Ваврика в определенной степени являлся регрессивной реконструкцией событий, в которую он поверил сам и начал внушать прежде всего себе, а потом – и другим.

Следует отметить, что случай Ваврика не уникален. Более того, он отражает схожую ситуацию для ряда европейских сообществ, оказавшихся в принципиально новых условиях после обрушения их прежней реальности, к примеру, в результате распада старых европейских империй. Так, в аналогичных с русофилами Галиции обстоятельствах, только, разумеется, со своей спецификой, оказались балтийские немцы. В годы Первой мировой войны они стали объектом репрессий со стороны русской администрации, а после распада Российской империи и образования новых национальных государств Прибалтики превратились из главенствующего элемента края в незащищенное меньшинство.

Межвоенный период в истории Европы ознаменовался появлением ряда политических режимов разной степени авторитарности, причем этот процесс не обошел стороной национальные меньшинства и диаспоры. В первом случае ярким примером могут стать национал-социалистические организации судетских немцев, очевидно созданные по образцу «большой» германской НСДАП. Радикальные националисты из числа украинской диаспоры в разных европейских странах объединились в рамках ОУН. В какой-то степени происходящее коснулось и русофильских культурных организаций в Галиции. Анализируя деятельность и позицию Ваврика, можно прийти к мысли, что он претендовал на единоличное представительство интересов русофилов, хотя организационная слабость движения и особенности его идеологии изначально не позволяли этого. Тем не менее, в определенном отношении Ваврик добился своего – спустя десятилетия большинство его соратников, вероятно, даже более талантливых, в итоге оказа-

лось в его тени, и на слуху, при исследовании соответствующего дискурса, по большей части находится именно имя Ваврика.

Как представляется, в ту пору обращение в политике к национальной/этнической составляющей, нередко в радикальном виде, резонировало с неявным стремлением активного поколения вернуть и удержать прошлое. В эпоху перемен оно ассоциировалось с позитивными воспоминаниями и «привычностью» бытия, противопоставленному начинавшейся глобализации. В случае с Вавриком имела место попытка «прокрутить» реальность обратно как минимум на полвека, в те годы, когда обращение к общерусской идентичности еще было одним из реальных сценариев общественного развития Галиции. Не исключено, что «талергофская» активность Ваврика, подспудно осознававшего неизбежность обращения к этнонациональной тематике, была продиктована намерением радикального преобразования русофильского сообщества в нацию в новых условиях. Тем не менее, это предприятие было заранее обречено на провал, так как русофилы, как уже было сказано, не прошли те ступени, на которых останавливались другие национальные движения, в частности, украинофилы.

Эта ситуация отразилась в крайней идейной противоречивости самого Ваврика, который, в частности, желал единения русофилов с русскими в рамках одной духовной традиции и при этом хотел, чтобы галичане сохранили свою историко-культурную индивидуальность. Подобные противоречия были характерны и для других европейских сообществ, пока в их жизнь не вмешалась большая политика. В 1938-1939 гг. в результате известных соглашений судетские и балтийские немцы, хотели они этого или нет, стали жителями Третьего рейха. То же самое произошло и с русофилами после вхождения Галиции в состав СССР. «Старые» сообщества вновь оказались в новых, независимых от них условиях, при этом в обоих случаях прежняя самоидентификация была полностью вытеснена у «граждан Великой Германии» и «советских украинцев» в сферу частного.

Размывание этих сообществ произошло уже в эпоху ядерного оружия и космических полетов и было связано с логичной сменой поколений. Так, потомки балтийских и судетских немцев в ФРГ могли сохранять культурную составляющую старой идентичности, но сами были уже социализированы в рамках нового государства. У русофилов ситуация была иной – для советской страны их мировоззрение и связанная с ним культура оказались не только идеологически чуждыми, но и попросту архаичными. Для молодого поколения политические баталии русофилов и украинофилов перед Первой мировой войной уже были страницами из учебников истории, тогда как для Ваврика, лично знакомого еще с некоторыми галицкими «будителями», они были не слишком далеким настоящим.

Таким образом, события 1914-1945 гг. стали переломными не только для истории Европы и ее отдельных регионов, но и для целого поколения, заставшего их в сознательном возрасте. Неудивительно, что из него вышло немало личностей, которые стали продуцировать новые смыслы реальности, призванные объяснить столь резко произошедшие перемены. Нередко эти дискурсы соотносились их

создателями с собственной биографией, которая, как в случае с Вавриком, настолько мифологизировалась, что лишь ее глубокое критическое изучение может выявить несоответствия. Как показало время, иногда эти дискурсы оказывались деструктивными (как в случае с нацистской Германией), а в других случаях заходили в тупик и в конечном итоге изживали себя. Другой вопрос, что идейное наследие указанного периода намного пережило свое время, продолжая существовать и в наши дни, только уже совершенно автономно от своих создателей.